

Е. В. О Ш И С

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МУЛЬТАТУЛИ

Среди представителей нидерландской культуры, далеко перешагнувших национальные рамки, Мультатули особенно близок и понятен современному миру. Писатель острого критического ума и страстного полемического темперамента, человек почти легендарной судьбы и неиссякаемого мужества, он был для соотечественников и притчей во языцех, и властителем дум. Его имя породило на родине и за ее пределами гору разноречивой литературы¹. Его читают, о нем пишут и ныне в странах Европы, Азии, Америки. В России имя Мультатули стало известно в 70-х годах XIX в. Сначала оно появилось в литературных обзорах и энциклопедических словарях. С 90-х годов XIX в. переводы его сочинений печатались и в столичных журналах, и в провинциальных газетах самого разного толка.

Наиболее ярко истинный облик Мультатули обозначился в годы развернувшейся пролетарской борьбы. В «Тетрадах по империализму» В. И. Ленин трижды упоминает его как писателя, с которым необходимо познакомиться при анализе колониальной системы². В канун революции 1905 г. автор брошюры «Мультатули и его произведения» (скрывавшийся под инициалами М. Г. К.) взволнованно писал о нем, как о «поэте и мыслителе, выражающем нашу безысходную тоску по свободе». Одному из героев декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве — Н. П. Шмиту слово Мультатули помогает стойчески перенести ужасы царской тюрьмы. Незадолго до гибели он стремится перечитать любимого писателя³.

У советского читателя имя Мультатули ассоциируется прежде всего с романом «Макс Хавелаар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества», неоднократно переиздававшимся на русском языке и на языках народов СССР. Сказать, что Мультатули — борец против колониализма, значит выразить истину очень важную, но далеко не полную. Роль его обширного наследия не определяется однозначно. В нашем очерке мы коснемся главным образом общественно-политических взглядов писателя.

* * *

Эдуард Дауэс Деккер (Мультатули) родился 9 марта 1820 г. в Амстердаме в семье капитана торгового флота. Он не обладал столь крепким здоровьем, чтобы идти по семейной традиции в моряки. После нескольких лет пребывания в школе его определили в торговый дом. Но не гроссбухи за-

¹ А. J. de M a r e. Lijst der geschriften van en over E. D. Dekker. Leiden, 1948 (более 2000 названий); см. также составленный нами библиографический указатель «Мультатули» (М., 1971), включающий более 120 названий на русском языке.

² См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 423, 425, 438.

³ См. Е. М. А н д р и к а н и с. Хозяин «Чертова гнезда». М., 1960, стр. 195—197, 206.

нимали мальчика на побегушках, а книжки о благородных разбойниках, вольнолюбивые стихи Гейне. Смелый, независимый нрав, повышенная чувствительность к чужой беде уже в детстве принесли ему немало хлопот. Страницы романов «Макс Хавелаар» и «Ваутер Питерсе», мастерски передающие атмосферу мещанского болота в бывшей «столице Европы», объясняют лучше любого биографа, почему юный Деккер покинул Нидерланды и в январе 1839 г. высадился на о-ве Ява.

Индонезия (или «Нидерландская Индия») в ту пору была самым золотосносным источником, самым дорогим бриллиантом короны голландской колониальной империи, фундамент которой заложила здесь в начале XVII в. Ост-Индская компания (1602—1798 гг.). После Реставрации нидерландская буржуазия, наверстывая упущенное, по примеру своего главного конкурента Англии, устремилась к развитию промышленности, отчего роль колоний как сырьевой базы еще более возросла. В 1822 г. учреждается Нидерландское общество для поощрения промышленности, а в 1824 г. — Нидерландское торговое общество, ставшее преемником хищной Ост-Индской компании. Начиная с 1830 г. оно насаждает в Индонезии новые методы колониального грабежа в форме так называемой системы принудительных культур. В порядке натуроплаты за пользование землей (хотя земельный налог взимался по-прежнему) крестьяне обязаны были выращивать и поставлять за низкую цену на государственные склады обязательный ассортимент сельскохозяйственной продукции: кофе, индиго, табак, сахарный тростник. Отдавая под него 20% своей земли, крестьяне должны были еще трудиться на переработке этих культур в «колониальные товары» — на сахарозаводах, индиговарке, сушке табака.

Первыми звеньями в цепи этой по сути дела государственно-крепостнической системы были управляющие из местных феодалов. Они получали солидное жалованье как чиновники колониальной администрации плюс «культурный процент» с объема сданной на склады экспортной продукции, а кроме того, бесплатно распоряжались крестьянским трудом. Под тяжким прессом двойной эксплуатации крестьяне, доведенные до отчаяния, не раз восставали, но колонизаторы силой оружия вновь утверждали грабительские порядки, одновременно расширяя территориальную экспансию (захват о-ва Бали в 1846—1849 гг., Западного Калимантана в 1851—1856 гг. и др.). Казалось, сама земля Индонезии, политая потом и кровью обездоленного народа, взывала тогда к справедливости. В появлении на Яве такого человека, как Деккер, можно усмотреть не только следствие субъективного порыва молодой, романтической души, но и момент исторической необходимости: близилось время, кто-то должен был вскрыть чудовищную язву, сорвать маску с цивилизованного каннибализма. Работа в колониальной администрации исподволь готовила молодого Деккера к шагу, обесмертившему его имя.

Индонезийский период биографии Деккера может дать материал для увлекательного исторического или приключенческого повествования — столько в нем острых и опасных перипетий, а главное — примеров страстного стремления добиться справедливости для «кистязаемых яванцев». Прямота, бескомпромиссность, которые всегда его отличали, сделали чиновника Деккера «белой вороной» среди коллег по службе. Биографы приводят бесчисленное количество случаев неразумного, на их взгляд, покровительства и помощи беднякам со стороны Деккера, который сам всю жизнь едва сводил концы с концами.

«Эксцентричный лорд», как прозвали Деккера сослуживцы в Батавии за его независимый и гордый нрав, мог совершать непонятные для них поступки. Во время волнений в одном из племен он отправился туда один, чтобы удержать людей от кровопролития. Он никогда не пользовался без оплаты, в отличие от других чиновников, трудом местных жителей. Однажды он купил на аукционе в Менадо рабов, чтобы тут же отпустить их на волю. Он помогал слабым в работе, не раз дрался на дуэли, защищая свою

честь и честь людей, не способных постоять за себя, сочинял эпиграммы на высокопоставленное начальство ⁴.

В Индонезии Деккер, несмотря на частые переезды (Батавия и Лебак на о-ве Ява, Наталь на Суматре, Менадо на Сулавеси), много занимался самообразованием и стал одним из самых эрудированных людей своего времени. Подобно многим высокоодаренным самоучкам, Деккер одинаково поражает и размахом и бессистемностью знаний, что имело в дальнейшем свои последствия. Широту его кругозора может наглядно проиллюстрировать перечень так или иначе затронутых Деккером в его сочинениях тем, связанных, в частности, с исторической наукой: о происхождении дворянства, о политике России, о регрессе культуры со времени возникновения христианства, об исландской мифологии, о земельных договорах на Яве, об апокрифических книгах, о законах Солона, Ликурга, Зороастры, о Шекспире как историке, о распаде Римской империи, о тайных обществах у китайцев, о коренном населении Америки и т. д. ⁵

В первых же литературных опытах Деккера видны юношеские раздумья над тем, что принято называть проблемой «общество и личность». В автобиографичных «Отдельных листках из жизни пожилого человека» (1841 г.), написанных от лица некоего Антона, «современника Наполеона», герой (в юности), сознавая свою незаурядность, избирает служение на общественном поприще: «Разве не прекрасна цель — сделать счастливым народ? Из ничего я вызову общество к жизни». Его восхищает Наполеон, но и ему он не может простить возвышения за счет всеобщей свободы. Готовясь к долгой и неравной борьбе, Деккер словно предчувствовал непонимание и отвержение, которые его ждут, судьбу человека, родившегося не ко времени, вернее, «не ко двору».

Горячее стремление молодого Деккера, назначенного в 1842 г. контролером в Наталь — должность немалая для его лет, — навести порядок «законным путем» было вскоре отмечено арестом по обвинению в растрате. Деккера вызвали в Паданг на расследование, откуда в сентябре 1843 г. ему было запрещено выезжать вплоть до особого распоряжения. Хотя, как выяснилось, криминал заключался в недостаточно педантичном ведении бухгалтерии, Деккеру четыре месяца не выплачивали жалованья, а в январе 1844 г. его вообще сместили с должности. Без средств к существованию и крыши над головой, страдая от подозрений и несправия, голода и нищеты, Деккер прожил до сентября 1844 г. — самый трудный год своей нелегкой жизни. Он не раз бывал на грани полного отчаяния, даже самоубийства, и лишь природная сила духа и творчество помогли ему выстоять. В эти годы Деккер пишет полемические стихи и драму «Бесчестный», герой которой Хольм также страдает от позора, которым «вознаграждается» его алтруизм. Автобиографична и другая, любовная, линия драмы. В ней нашло отражение неразделенное чувство Деккера к бывшей школьной подруге Каролине Ферстеег.

В 1846 г. Деккер женился на Эвердине Хюберте ван Вейнберген. Тина, как называл Деккер свою жену, была дочерью небогатого офицера. В раннем детстве она потеряла родителей, оставивших на ее попечение двух сестер. На Яве у молодых супругов родились двое детей. Жили они трудно ⁶.

События в Лебаке, куда Деккер прибыл в январе 1856 г. помощником резидента, стали кульминацией биографии чиновника и прелюдией биографии писателя. Заметив злоупотребления управляющего — местного князька, — не взирая на возможную месть и осложнения, грозившие его семье, он потребовал ареста управляющего. Резидент округа К. П. Брест ван Кемпен ответил уклончиво, а генерал-губернатор «Нидерландской Индии» А. Я. Деймар ван Твист пришел в ярость и распорядился перевести Декке-

⁴ См., в частности, «Anecdoten over Multatuli». Amsterdam, 1960.

⁵ «Макс Хавелаар». М., 1959, стр. 42—49.

⁶ M u l t a t u l i . Volledige werken, deel VII. Amsterdam, 1954, blz. 699.

ра в другой дистрикт. Деккер подал в отставку, ибо «иначе, чем в Лебаке, — писал он, — служить я не могу». В апреле 1857 г. Деккер покидает Яву и через Сингапур, Цейлон, Каир, Марсель возвращается в Европу. Начинаются трудные годы скитаний с женой и двумя детьми, которых нечем было кормить, унижения перед чужими людьми, не раз принимавшими их за бродяг, и перед богатыми родственниками.

В эти годы, в тщетном ожидании возвращения на службу, Деккер переживает внутренний перелом. В нем окончательно зреет решение «обратиться к народу» — стать писателем. В Брюсселе, в холодном номере дешевой гостиницы, осуществляет он то, что задумал еще в Лебаке. В сентябре — октябре 1859 г., менее чем за месяц, рождается на свет «Макс Хавелаар». Подпись автора — «Мультатули» (от латинского «multa tulit», т. е. «я много перенес») — стала литературным псевдонимом Э. Д. Деккера. В одном из писем жене Деккер заметил: «Я написал свою книгу с двойной целью: улучшить дело в Индии и восстановить свое положение». Еще питая тогда иллюзии насчет «положительной программы изменений» сверху, Деккер полагал, что правительство признает его правоту, не захочет доводить дело до крайностей и постарается принять необходимые меры, возможно даже с его помощью. Официальное разбирательство дел в Лебаке, по заявлению Э. Д. Деккера, целиком подтвердило правоту бывшего помощника резидента; местные власти были наказаны.

Значение романа переросло и первоначальный замысел, и ближайшие цели автора. Вместо беллетристической «капсулы», содержащей «лекарство политических идей», Мультатули создал беспощадный сатирический памфлет. Думая припугнуть правительство, он напугал и разворошил рой кофейных маклеров и плантаторов внезапным разоблачением и неизбежной перспективой индонезийской Жакерии.

«Деккер, — писала «De Waarheid» 19 мая 1960 г., — первым в голландской литературе пошел в лобовую атаку против извечного голландского колониализма» и, добавим, против мировой колониальной системы вообще. Так что неверно, будто роман «сюжетно устарел» (П. Дюбуа, Д. Де Фрис и др.)⁷. Гораздо более правы те, кто отстаивает непреходящее значение романа в условиях современной борьбы против неоколониализма, расизма (Мультатули сравнивают с Лумумбой), против экспансии США в развивающиеся страны⁸.

Антиколониалистское звучание романа наиболее явственно слышится в отступлениях — взволнованных достоверных показаниях автора — очевидца событий. Поэтичная история любви индонезийского юноши Саиджи и девушки Адинды, с ее трагическим финалом, ярко разоблачающая жестокый колониальный разбой, и ныне остается актуальным протестом против «бесконечных карательных экспедиций, геройских подвигов по уничтожению бедных, несчастных созданий, которых насилиями доводят до восстания»⁹. «Чужеземцы с Запада» каждодневно несут островитянам смерть, горе, голод. «Голод? На богатой, плодородной, благословенной земле Явы — голод? Да, читатель, несколько лет назад целые округа вымерли от голода... Лишь тогда метрополия занялась этим вопросом. В залах парламента высказывалось недовольство, и тогдашний наместник вынужден был распорядиться, чтобы вывоз так называемых европейских рыночных продуктов не доводил население до голода», — с горечью писал Мультатули. Он обрушивается на всю иерархию колониальной власти — от генерал-губернатора до туземных чиновников, на пресловутую систему принудительных культур, сосущую кровь из индонезийского крестьянина. Ему ненавистно «отвратительное лицемерие гуманно звучащих постановлений и должностной присяги, которые защищают яванцев от произвола... на бу-

⁷ «Essays over Multatuli». Amsterdam, 1962.

⁸ M. J a n s s e n s. «Max Havelaar», een actueel boek. — «Dietsche Warande en Belfort». Antwerpen, 1970.

⁹ «Макс Хавелаар», стр. 282.

маге»¹⁰, а на практике санкционируют рабский труд, грабежи, убийства. Мультиатули клеймит тупость и малодушие мелких чиновников, ставит под сомнение честность и справедливость колониальных сановников и правительства, не щадит и короля. Автор осмелился посягнуть на устои, которые до него пытались представить святыми и незыблемыми, и нападает на их защитников. В общей идее антиколониалистской программы Мультиатули кроется антибуржуазное зерно.

Яснее всего ненавистная автору буржуазная суть сказывается в Дрог-стопшеле — замечательно верно схваченном типе хищного буржуа-филистера, того самого, для которого, по словам В. И. Ленина, «пусть весь свет горит, наша хата с краю, «мы» довольны нашей старой добычей и ее богатейшим «остаточком», Индией, больше «нам» ни до чего дела нет!»¹¹. Дрог-стопшель — образец стяжателя и ханжи, подлого вора, слишком трусливого, чтобы быть взломщиком, «острая сатира на голландский дух». Под стать ему пастор Вавелаар, купец в рясе, лицемерно освящающий дрог-стопшелевский принцип «труд создан для яванцев». Последний герой этой тройцы — резидент Слеймеринг, чинуша и сластолюбец.

Носителем гуманистических идей автора выступает Макс Хавелаар, идеал которого — освобождение индонезийцев. В финале романа Мультиатули провозглашает свою основную идею: «Я возвращаю сверкающие мечами военные песни в душах мучеников, которым я обещал помочь, я, Мультиатули! Спасение и помощь на пути закона, если это возможно; на законном пути насилия, если иначе нельзя. А это неблагоприятно отразится на кофейных аукционах Нидерландского торгового общества!»¹². Художественное произведение перерастает в открытое политическое воззвание.

«Макс Хавелаар» был достойным началом воинствующего бунтарства в нидерландской литературе. Тема протеста и борьбы против колониального господства могла появиться лишь на таком историческом этапе, когда буржуазное общество начало неуклонно входить в полосу кризисов и в его «вечной» колониальной системе стали наблюдаться необратимые признаки разложения, когда наряду с классовой борьбой буржуазии и пролетариата на очередь дня был поставлен и колониальный вопрос. Последовательное его развитие, подтачивание одной из самых важных опор буржуазного общества логически вело к расширению критики на все общество, в чем убеждает нас пример автора «Макса Хавелаара».

Сам Мультиатули сравнивал свою книгу с вышедшей незадолго до того «Хижиной дяди Тома», которую он считал «бессмертным по тенденции памфлетом». Но если в романе Г. Бичер-Стоу действенность протеста ослаблена sentimentalно-филантропическими нотами, то памфлетность романа Мультиатули носит вполне конкретный целенаправленный характер. Со своих демократических позиций Деккер разглядел простые истины, не доступные, однако, его «одноклассникам»: яванцы — тоже люди, лишь иного цвета кожи¹³, власть в колониях держится обманом, жестокостью и силой оружия; на эксплуатации яванцев, как и собственных «бедняков, необходимых для общества», наживаются дрогстопшели, вавелаары, слеймеринги и их друзья — регенты и местная знать; тяжкий гнет неизбежно толкает народ на справедливые восстания, подобные восстаниям 1840 и 1849 гг. в Бантаме (Ява) или 1851—1855 гг. на Калимантане.

Находясь вдали от революционных событий в Европе и страдая известной политической ограниченностью, Деккер не мог до конца распознать «секрет» классового союза колонизаторов с местными феодалами, хотя и до-

¹⁰ Там же, стр. 69, 194.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 47.

¹² «Макс Хавелаар», стр. 283.

¹³ «Мультиатули никогда не противопоставлял белых и «цветных», — подчеркивает современный голландский исследователь его творчества, опровергая встречающиеся в западной литературе инсинуации расистского и националистского толка. — A. L. C o n s t a n d s e. Geschiedenis van het Humanisme in Nederland. Den Haag, 1967, blz. 110.

гадывался о нем. Он не мог осознать, что в стихийных бунтах яванских крестьян пробиваются первые ростки будущего национально-освободительного движения, победившего в 1945 г. Деккер не мог предвидеть и того, что столетие его романа пройдет незамеченным официальными Нидерландами и станет важным событием в Индонезии¹⁴.

Появление книги в мае 1860 г. произвело фурор. Современник и сподвижник Мультадули, поэт и прозаик К. Фосмар, сравнил ее с «ударом молнии, обратившей все в пламя», от которого «содрогнулась вся страна». В редакции журналов посыпались письма от кофейных маклеров, бывших резидентов и других колониальных чиновников, церковных служителей и прочих «оскорбленных лиц». В парламенте вспыхнули дебаты по вопросу о колониях, сделан был запрос правительству. Ожидались перемены в колониальной политике¹⁵. Подобные же отклики появились и в других странах — с выходом переводов «Макса Хавелаара». В Англии (в 1868 г.) газеты отмечали: «Трудно сказать, интереснее ли «Макс Хавелаар» как роман или сильнее как политический памфлет. С любой точки зрения это книга редкая и первоклассная по мастерству» («Westminster Review»). «Сам Теккерей не смог бы превзойти эти убийственные страницы. Они бессмертны» («Contemporary Review»). Восторженные отзывы поместили «Revue de Deux Mondes», «Mercure de France» в Париже. Немецкие газеты называли Мультадули «одним из лучшим умов второй половины XIX века», «титаном духа», «одним из самых выдающихся литературных явлений века».

Однако пока общественность занималась оценкой романа, автора его фактически обокрали. Издатель книги Я. ван Леннеп, посредственный литератор и опытный стряпчий, используя доверчивость и стесненные материальные обстоятельства Мультадули, еще в январе 1860 г. приобрел у автора право на издание романа и выпустил его в дорогом оформлении и ничтожным тиражом — в то время как все надежды автор возлагал на массовое, максимально дешевое издание. На возмущение Мультадули Леннеп в письме от 12 октября 1860 г. цинично ответил: «Кто покупает дом, тот может его перестраивать, не спрашивая бывшего хозяина». А «перестраивал» он фундаментально: снял или заменил в рукописи все точные даты, имена, географические названия, старательно и методично лишая книгу документальности. Чтобы до конца выполнить принятую на себя «миссию», Леннеп не переиздавал «опасную» книгу более 10 лет, вопреки громадному спросу на нее (особенно в «Нидерландской Индии»), несмотря на бедственное положение автора. Судебный иск Э. Д. Деккера к Леннепу был отклонен. Поведение Леннепа — наглядный пример проявления классового инстинкта. «Тактика гробового молчания», которым после первого шока окружила книгу Мультадули буржуазная пресса, была охранительной реакцией буржуазии против изгоя и смутьяна.

Из-за нехватки денег Деккер жил отдельно от семьи и много ездил с целью заработка: читал для самой широкой аудитории доклады и лекции по философским, политическим, этическим вопросам, фрагменты из своих сочинений, работал как корреспондент и обозреватель. Его публикации появлялись в таких крупных нидерландских газетах, как «De Dageraad», «De Tijdspiegel», «Algemeen Handelsblad», «Amsterdamsche Courant» «Nieuwe Rotterdamsche Courant» и др. Он много лет провел за рубежом: был в Италии, Франции, дольше всего в Германии, где с 70-х годов XIX в. жил постоянно. В результате интриг родственников и частых разлук Деккеру не удалось сохранить семью, он лишился жены, испытанного друга, и детей, так и не оценивших его по справедливости. Через год после смерти

¹⁴ О необычайной популярности романа и его автора в Индонезии см. статьи Х. Ресинга и Б. Вейка в юбилейном сборнике: «Multatuli». Hasselt, 1970.

¹⁵ О сдвигах в колониальной политике Нидерландов, вызванных книгой Мультадули, см., в частности, P. van O v e r z e e. *Het moderne Humanisme in Nederland*. Den Haag, 1955.

Тины (1874 г.) Деккер женился вторично, на Марии Хамминк-Схепел (Мими), горячей поклоннице его таланта (они переписывались с 1861 г.), которая позже немало сделала для сохранения и публикации его литературного и эпистолярного наследства. Последние 10 лет жизни Деккер ничего не писал, за исключением комментариев и дополнений к переизданиям своих произведений. В 1881 г. он купил небольшой дом в городке Нидер-Ингельхейм на берегу Рейна и поселился там с Мими. В этом доме он и умер 19 февраля 1887 г. от тяжелого приступа астмы.

На исходе жизни Деккер сожалел, что родился в Нидерландах: «Матера, с которой обращаются со мной Нидерланды, это подлость... Вы не знаете, как тяжела необходимость быть все время начеку, жить под постоянным подозрением во враждебности. В этом одна из причин того, почему я не могу жить в Голландии... Бейль говорил об ужасе экскоммуникации (отлучения, искусственной изоляции. — В. О.), которая хуже, чем формально объявленный приговор. Надо пережить ее самому, чтобы узнать, что он прав!». Только помня о резко враждебной атмосфере, окружавшей Деккера, можно понять, почему самые обычные на первый взгляд суждения Мультиатули воспринимались его современниками как крамола, а последовательная стоическая защита им своих взглядов была свидетельством высокого личного мужества и исторического предвидения.

* * *

Мультиатули не уставал всю жизнь взывать к спасению Островной Индии — «Инсулинды», как он ее называл. Лейтмотив — «яванцев угнетают» — звучит в романе-фантазии «Письма любви» (1862 г., русский перевод — М., 1909, 1911), в публицистических брошюрах «О свободном труде в Нидерландской Индии» (1862 г.) и «Еще раз о свободном труде в Нидерландской Индии» (1870 г.), в очерке «Где же засеянное мною поле?» (1861 г.) и в других произведениях, объединяемых иногда в цикл «сочинений по делу Хавелаара», а также в «Беседах» (1869 г.). Мультиатули выступает со статьями и лекциями в пользу индонезийской бедноты (сам остро нуждаясь, он переслал в 1861 г. весь свой гонорар пострадавшим от наводнения яванцам), публикует, а также выражает готовность обнародовать новые документы из «дела Хавелаара»¹⁶. Желающих, однако, напечатать их не оказалось.

Мультиатули не сразу отказался от надежды «гуманизировать» колониальные порядки. В 1861 г. он писал: «Порок не в системе ... порок в злоупотреблениях ею... Индии нужен... честный человек, который ищет правды и имеет смелость ее защищать» («Где же засеянное мною поле?»). Мультиатули не скрывал, что считает себя таким человеком, и доказывал это как мог: Он направил королю письмо о пороках колониального управления (18 января 1860 г.); в октябре 1860 г. произнес пламенную речь против колониальной политики Нидерландов на третьей сессии конгресса Международной ассоциации в пользу общественных наук в Амстердаме; не раз обращался с ходатайствами к генерал-губернатору (ответа не последовало); дважды тщетно пытался баллотироваться в парламент. Называя позже эту попытку «демонстрацией», Деккер был не совсем справедлив к себе. Так, в сборнике статей и высказываний о нем за столетие цитируется следующее печатное высказывание от 1861 г. (за псевдонимом «Филофракс»): «Такому человеку, как Мультиатули, доказавшему свое мужество, самоотвержение, независимость и большие способности, уже давно следовало быть в законодательном собрании; там его место, там бы смог он, этот еще молодой, полный сил человек, оказать нашей стране неоценимые услуги»¹⁷.

¹⁶ В «Письмах о любви», например, предъявляется иск генерал-губернатору «Нидерландской Индии» А. Я. Деймару Твисту, из-за произвола которого за пять лет у жителей одной только Явы было отнято почти 2,5 млн. буйволов, стоимостью в 50 млн. гульденов.

¹⁷ «Multatuli en de kritiek». Amsterdam, 1970, blz. 30.

Но по мере того, как яснее открывалась цепочка «генерал-губернатор — министр — король — парламент — общество», локальная война Мультиатули в защиту индонезийцев переходила в защиту всех «бедных и угнетенных», в войну против буржуазной морали и государства, виновного в народных бедствиях. Первые попытки такого общего наступления обнаруживаются уже в ранних работах Деккера, оно кроется уже в антибуржуазной направленности «Макса Хавелаара». Впервые оно открыто провозглашено в «Письмах любви» и брошюре «О свободном труде...». Общественно-политической критике Мультиатули посвящает (целиком или частично) большинство своих последующих работ. Некоторые из них: «Разговоры с японцами» (1861 г.), «Рассуждения о либерализме известного толка» (1869 г.), «Исследование о миллионах» (1870—1873 гг.), «Беседы» — были написаны в качестве «фельетонов» — публикаций с продолжением — для крупных нидерландских газет и журналов (не решившихся, однако, печатать все до конца). Большой материал дают и письма Мультиатули.

Особняком стоят семитомные «Идеи» (1862—1877 гг.), вершина мастерства художника и публициста, впечатляющий документ эпохи, памятник передовой политической, философской и эстетической мысли Нидерландов того времени. О жанровой оригинальности и содержательном богатстве «Идей» можно судить по следующим строкам из письма автору издателя: «Я буду печатать рассказы, повести, романы, притчи, отдельные реплики, парадоксы и т. д. Я надеюсь, что в каждом рассказе... будет своя идея. Поэтому назовите мою книгу «Идеи». И напишите вначале: «Вышел сеятель сеять». Эта книга будет флагом, который я поднимаю»¹⁸. «Бедные не имеют представительства, — заявил писатель в первом томе «Идей». — Ну что ж, отныне я буду их представителем. Мы хотим есть, жить по-настоящему, наслаждаться — быть счастливыми. Вот первая, весьма непарламентская речь, которую я адресую от имени бедняков, рабочих... правительству Нидерландов» («Идея 451»). На звучавшие в парламенте речи о преимуществах «свободного труда» (т. е. свободного предпринимательства — по фразеологии либералов) перед «системой принудительных культур» он отвечает: «Яванцам нужен добровольный свободный труд, пусть даже ценой потери Инсулинды для Нидерландов. Потому что превыше Нидерландов стоит человечество» («Еще раз о свободном труде...»). Пока же каждый гульден дохода с «Нидерландской Индии» украден, причем дважды: первый раз у яванца, второй — у собственного бедняка. Корень зла надо искать не в колониях, а в метрополии, не в разных системах труда, а в их общей основе — эксплуатации, таков вывод писателя.

Особенно страдает от «своих» эксплуататоров пролетариат, на ужасающее положение которого Мультиатули обратил внимание одним из первых в Нидерландах. «Нидерландский рабочий живет хуже негра, его положение — самое тяжелое рабство, какое только можно представить» («Несколько слов о Пруссии и Нидерландах», 1867 г.). Мультиатули приводит (в «Идее 451») недельный бюджет семьи знакомого амстердамского рабочего и цифрами убеждает читателя, что даже кочевнику-скотоводу живется лучше. Технический прогресс также не сулит народу избавления от нужды («Идея 914»). «Ничего тут не объясняют и спекуляции, подобные теории Мальтуса. Народ плохо питается (нидерландский трудящийся ест хлеба втрое меньше, чем французский или английский). Он живет в трущобах, ему грозит одичание. Но он может заявить о своих правах — войной», — напоминает писатель от имени народа парламенту, министрам, прессе («Беседы»).

Но еще больше поражали Мультиатули пассивность, смирение самого народа, его духовная порабощенность. «Масса не думает... Индивидуумы или обстоятельства двигают ее в каком-либо направлении, и затем она снова лежит в цепях» («Идея 1110»). Духовная нищета — сестра нищеты мате-

¹⁸ Некоторое представление об «Идеях» читатель может вынести также из краткой публикации афоризмов и притчей Мультиатули, — «Вопросы литературы», 1971, № 9, стр. 240—244.

риальной; жалкие два-три года школьной зубрежки навсегда подавляют в бедняке всякое стремление к протесту, к равноправию, к защите своего человеческого достоинства («Идея 747»).

С этой роковой пассивностью и, следовательно, по мнению Мультиатули, обреченностью народа (выступающего у него как классово недифференцированное целое) автор связывает всеобщее непонимание и равнодушие, которыми были встречены его призывы к действию. «Все вздыхают, жалуются или стоят молча — с глупым видом, удивляясь жестокой роскоши немногих, которые наживаются на всеобщей бедности... и все остается, как было» («Идея 536»), — сетует Мультиатули. Конечно, «легче смотреть со стороны, как притесняют человека, который ищет правды, чем идти вместе с ним» («Идея 432»). С пассивностью народа, в освобождение которого своими силами он не верил, связано и убеждение писателя о решающей роли выдающейся личности, его мелкобуржуазный, в конечном счете, индивидуализм.

Нельзя согласиться с такой оценкой, данной Мультиатули трудовому народу Нидерландов, где в 60-е годы XIX в. уже нарождалось организованное рабочее движение, увенчанное созданием в 1871 г. Всеобщего нидерландского рабочего союза. Мультиатули сам с гордостью отзывался о своем народе, вспоминая «90-летнюю войну»¹⁹. Но, несомненно, он угадал психологическую суть тяжкого национального зла своего времени — филистерства, отравлявшего мораль и политику, философию и искусство, всю духовную жизнь общества. Одного этого было достаточно для предания писателя анафеме. Однако Мультиатули на этом не остановился. Он повел подкоп под все три столпа, на которых держится и которые осеняет филистерство. Это — религия, собственность, семья. Гульден — святой дух троицы. «Голландец любит золото или, вернее, денежные дела» («Беседы»). «Национальная совесть — это деньги, деньги и деньги. И все же что-то не в порядке в часовом механизме такой совести» (примечание к «Идее 527»). Мультиатули был на верном пути, но не смог сделать последнего решающего шага — обнаружить связь «механизма совести» с механизмом собственности, т. е. шага, по существу отделяющего материализм от идеализма в социологии.

Посягая на смысл жизни больших и малых дрогстоппелей — деньги, капитал, — Мультиатули открывал им самим и всему миру их волчью породу, спрятанную под овечьей шкурой религиозного ханжества. «Наша мораль наряжается в пуританские тряпки, чтобы прикрыть свои гниющие язвы», — писал он в «Исследовании о миллионах». Как художник, он создал сатирические образы церковников — Вавелаара, Капшельмана. Как публицист, он доказывал безнравственность религии, лживость ее догматов. «Современные христиане болтают о любви к ближнему, а думают о своем кармане; указывают на небо, чтобы присвоить землю... Появись сейчас настоящий Христос, его нынешние последователи быстро упрятали бы его в сумасшедший дом» («Идея 925»).

На мораль, прежде всего христианскую, Мультиатули перекладывает ответственность за общественные бедствия: «Пауперизм есть чумной бубон религии» («Идея 1260а»). Не зря Анатолий Франс называл его «голландским Вольтером»²⁰. Буржуазная благотворительность в глазах Мультиатули — фарисейство, оборотная сторона ограбления масс; «бедность, порок и филантропия... — три вариации одной и той же болезни, которые *vice versa* (взаимно. — В. О.) вызывают друг друга» («Идея 1273 а»).

Меркантильность в сочетании с ханжеством — цель и основной итог буржуазного воспитания. «Многие законы и... нравы возникли оттого, что людям недоставало рассудка, сердца, характера, жилища, земли или средств к существованию» («Идея 366»). Современные «добродетели» не изобре-

¹⁹ Имеется в виду Нидерландская буржуазная революция XVI в. и антииспанская война республики Соединенных Провинций за свою независимость (1566—1648).

²⁰ A. F r a n c e. Préface.— «Multatuli. Pages Choisies». Paris, 1901.

тены, а вызваны к жизни определенными обстоятельствами. Иными словами, мораль — продукт исторической эпохи. Она несет на себе следы господствующей формы экономических отношений, идеологии (религия), взаимодействует с другими явлениями жизни общества (политика, искусство). Все это ясно выражено у Мультиатули.

Среди жертв господствующей морали — не только многие «рожденные навыворот» (к последним Мультиатули в «Разговоре с японцами» относит и себя). «Я... спрашиваю нидерландцев; во что мы превратили женщину? Никогда я еще не видел, чтобы с женщиной обращались с таким уничтожающим презрением. Во многих законоположениях так называемых моралистов женщина — не больше, чем вещь, мебель, домашний скот» («Идея 183»). Эти горькие слова на голландском языке прозвучали впервые. Как когда-то Сен-Симон, Мультиатули считает эмансипацию женщины мерилем развития общества. Столь же тяжело в семье — этой отдельной камере общей духовной тюрьмы — и положение детей. Они растут с первых дней опутанные паутиной религиозных догм и мещанских предрассудков, в почтительном страхе перед родителями.

Чтобы освободиться от духовных пут, узники — юное поколение и женщины — должны научиться самостоятельно мыслить, отличать истину от лжи. Если вспомнить, что свои еретические взгляды Мультиатули пропагандировал не только письменно, но и устно, в публичных выступлениях, можно легко представить, как завоевывали эту чуткую аудиторию и подрывали вековечный домострой его страстные призывы, подобные финалу памфлета «О свободном труде...»: «Встаньте, все те немногие, кто еще не совсем отравлен ложью! Встаньте, юноши, чьи сердца еще способны биться за доброе дело! Встаньте, женщины, вы — матери будущего поколения, которое будет стыдиться своих предшественников! Встаньте, девушки, которым суждено быть матерями! Вы, юноши, вы, женщины, вы, девушки... каждый из вас — человек... На вас обязанность человека — стремиться к правде. А повсюду царит ложь. Так за дело! На бой против лжи... К Победе!»

Человек, по мнению Мультиатули, это «нравственное существо, ищущее правду в любой области бытия, куда может проникнуть его разум» («Идея 664»). Не правду вообще, ибо человек «продукт своего времени» («Идея 927»), но конкретную «истину жизни», взволновавшую Мультиатули еще при первом остром столкновении с общественной несправедливостью; истину, социальные предпосылки которой ему, к сожалению, не удалось четко сформулировать.

Индивидуализм Мультиатули рождается как этическая оппозиция демократа мещанскому засилью в «патентованной стране посредственности», по выражению современного литературоведа Г. Стейвелинга, а не как философия, которая последовательно приводит к циничному эгоизму. Поэтому не правы были его младшие современники В. Шпор и С. Люблинский — а ныне католический исследователь Г. Бром²¹ и другие, — сравнивая Мультиатули с Ницше. Перерастая стихийный альтруизм 1843 г., Мультиатули был и остался не только революционным гуманистом, совестью своего времени, но и самым опасным врагом нидерландского филистерства. «Актуальность творчества Мультиатули кроется в его правовых и социологических наблюдениях», — справедливо (хотя и недостаточно полно) судят о нем соотечественники²².

Гуманизм Мультиатули — буржуазно-демократический, выросший из просветительского. При этом «очеловечение» личности он ищет в утопиче-

²¹ См. G. Brom. Multatuli. Utrecht — Antwerpen, 1958.

²² См. H. A. E t t. De beteekenis van Multatuli voor onzen tijd. Amsterdam, 1947; H. L i e b a r s. Multatuli' nu. — «Vlaamse Gids», 1960, № 44, blz. 616—619; A. de L e e u w. Tachtig jaar na zijn dood nog actueel. — «De Waarheid», 4.III.1967; J. van M e u l e n. Multatuli als moralist. — «Maatstaf», 1970, № 11 (специальный выпуск журнала, посвященный 150-летию со дня рождения Мультиатули).

ской программе — семья, образование, выбор профессии, нравственное и религиозное воспитание, законодательство, хотя и сознает ее практическую неосуществимость. В вопросах морали Мультатули — идеалист. Ненависть к бесчеловечному обществу, презрение к безликой «публике», которая слушает, но не слышит, и призыв к человеку — не пресмыкаться, «быть Человеком», — одно из самых мучительных внутренних противоречий Мультатули, которое так и осталось неразрешенным.

* * *

Мультатули как борец против отживающей идеологии средствами идеологии же отводил морали важнейшее место в жизни общества. По его мнению, мораль определяет даже степень политической свободы, причем немало найдется стран, как Голландия, на которую давил бы столь тяжкий груз «общенациональных, городских, сельских, усадебных, домашних и семейных нравов, обычаев и привычек» («Идея 189»). Чем более притеснен и беспомощен народ, тем выше ответственность «идущих впереди», обеспеченного меньшинства, заправляющего делами: правительства, парламента, партий. Еще в 1862 г., вскоре после попытки либералов использовать популярность Мультатули в своих целях, писатель публично выразил резко отрицательное отношение к любым политическим учреждениям и органам, партиям и группировкам, в словах и делах которых он наблюдал только разные оттенки эгоизма и лжи. В 1867 г., когда политические ворота собирались втянуть Нидерланды в войну с Пруссией, он не колеблясь разоблачил их бесчеловечные планы, их стремление «для собственного удовольствия» превратить голодных «людей в убойный скот». Он гневно писал о «семи-восьми дюжинах мошенников..., которые изображают управление страной» и которым стоило бы помнить, что тюрьмы и эшафоты существуют не только для мелких жуликов и злоумышленников от нужды («Несколько слов о Пруссии и Нидерландах»). Он уничтожающе отзывался о деятельности либерального кабинета министров и «гуманного» премьера Я. Р. Торбеке, сорвав с последнего маску филантропии и благочестия (особенно в ядовитых 107 «Эпитафиях» в IV томе «Идей»), но не потому, что предпочитал консерваторов. Все отличие «дрогстоппелей-либералов» от «дрогстоппелей-консерваторов» в том, что одни хотя и имеют «как можно больше», а другие «по возможности все» («Несколько слов о Пруссии и Нидерландах») — оценка буржуазной двухпартийности, в общем пригодная и поныне.

Мультатули потрясала злонамеренность политической суеты и спекуляций наверху, в то время как народ страдал от тяжелых лишений. О них напомнить некому, потому что лживый и недемократичный избирательный закон 1848 г. «не предусмотрел» депутатских мест для трудящихся — «при конституции, которая допускает и предписывает угнетение народа двумя-тремястами семей, равенство, свобода и братство невозможны». Отсюда, кстати, и скептическое отношение Мультатули к революции 1848 г., которую он знал только по ее итогам для Нидерландов — этим «глупым шалостям» в виде купей конституции, с перекуга «дарованной» народу королем Вильгельмом II («Идея 1254»).

Но Мультатули отнюдь не был «новым Геростратом» (как называли его растревоженные дрогстоппели) или нигилистом, все разрушавшим из ненависти к порядку. «Все думают, что я восстаю против всего... Если бы они знали, как много существует вещей, которые для меня святы!» — писал он в «Идее 1080». Его беспощадный юмор, жалящий сарказм — не что иное, как «самое острое выражение боли» чувствующего сердца. Мультатули заботило не только то, что свергнуть, от чего очистить, но и как строить («Идея 217»). Попытка обрести позитивную программу нашла отражение в драме Мультатули «Школа князей» (1872 г.).

В эпоху застоя и деградации, в пору бедствий, как отмечал Мультатули, «природа человеческих сердец требует возвращения к автократии» («Идея 335»). Отсюда его интерес к давно устаревшей идее «просвещенного монарха», мудрое слово которого, обладая силой закона, должно было исправлять нравы. В словах главного персонажа драмы — королевы Луизы, что большинство народа живет хуже, чем скот, в то время как ничтожная часть общества правит — слышится голос самого автора. Кроме королевы, симпатии автора принадлежат впервые в нидерландской литературе выведенным рабочим — Герману и его сестре Ханне. В критическом пафосе «негативной» части драмы можно без труда угадать пародию и на «родную» конституционную монархию, и на мышиную возню партий и политиков. Пьеса Мультатули отличается прежде всего своим гуманизмом и сильна антибуржуазной тенденцией — это позволяет отвести ей достойное место в европейской литературе критического реализма и ведущее — в нидерландской драматургии XIX в.

Мультатули не мог не заметить новых веяний в политической атмосфере. В конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. он пишет о «движении, беспокойстве, брожении», охвативших не только Нидерланды, но и другие страны. По всей Европе на повестке дня стоят забастовки («Беседы»). Народы Европы начинают понимать, что веками их обманывали («Идея 928»). Мультатули теперь не сомневался в близости революционных событий и приветствовал их: «Моя программа — долой Нидерланды! По-моему, наступило их время. Революция обязательно будет. Со мной или без меня, — заявлял он в одном из писем тех лет. — Вопрос в том, смогу ли я сделать так, чтобы шатающаяся пирамида упала в нужную сторону». На его взгляд, все готово к пожару, нужна только искра. «Для того, чтобы все вспыхнуло, и пламя охватило Центральную и Южную Европу, достаточно произнести... несколько слов» («Идея 928»). Массам нужен лозунг. Мультатули по-своему уже почти догадывался о материальной силе идей, когда они овладевают массами²³. Но он так и не разглядел исторически объективного, материального источника движения этих масс. Переоценивая роль слова и личности как таковых, он ждал, что дело может погубить случай или какой-нибудь бесчестный демагог, и вновь чувствовал себя обязанным вмешаться в историю.

В то время как Мультатули в одиночку воевал против колониализма и интересовался масонством, в Европе развивалось научноорганизованное социалистическое рабочее движение. В 60-е годы XIX в., когда Мультатули начинал активно сотрудничать в «вольнодумном» просветительском обществе «Заря», в котором участвовали также рабочие, сочувствовал польскому восстанию 1863 г., в Лондоне состоялся I конгресс Интернационала; его специальным корреспондентом для Голландии стал К. Маркс. Вскоре в 1869 г. Х. Хейсман-д'Абленг и другие коллеги Мультатули по «Заре» образовали Нидерландскую секцию Интернационала; в 1881 г. Ф. Домелан-Нивенхейс, друг Мультатули, Клаас Рис и другие основали в Нидерландах Социал-демократический союз. В 1871 г. над Европой прозвучали выстрелы версальцев по коммунарам. Мультатули не понял, что Парижская коммуна — первый сигнал той самой мировой революции, которая грезился ему в будущем; в коммунарах он видел лишь «фанатиков-атеистов, которых расстреляли ничтожные фанатики-верующие». Разрушение не может вести к благосостоянию, к прогрессу, думал он, хотя сам всю жизнь призывал «свергнуть, очистить, построить» — почти словами Эжена Потье.

Мультатули активно выражал свои симпатии рабочему классу: читал лекции перед рабочей аудиторией Гента (1867 г.) и других городов, выступал на Демократическом конгрессе в Антверпене в 1875 г.; примером взаим-

²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1. М., 1955, стр. 422.

ности был дружеский визит делегации рабочих Гронингена к большому писателю в феврале 1886 г. Но Мультиатули не искал и не нашел пути к рабочим-социалистам, хотя они всегда были готовы пойти ему навстречу: по горькому опыту общения с буржуазными партиями Мультиатули и социалистов считал фразерами. Пролетарское насилие коммунаров над буржуазией еще более отпугнуло его от в общем-то мало знакомых идей коммунизма. Это тем более прискорбно, что логика жизни и аналитическая сила ума привели его к почти марксистским формулировкам некоторых социальных понятий, например, равенства, на что справедливо указывал Ф. Дриссен, автор первого обобщающего марксистского исследования о Мультиатули²⁴. «Я проповедую недовольство! Я доказываю, что долг каждого — не удовлетворяться таким положением дел... которое способно опозорить самого злого бога. Кто, однако, думает, что я стою за социалистическое или коммунистическое движение, тот очень плохо понял меня. Как раз наоборот», — писал он вскоре после событий в Париже («Идея 916»). В этом «наоборот» кроется его трагическое заблуждение.

Чаяние неотвратимой гибели царства социального гнета, лжи, несправедливости, неясная мечта о будущем обществе равноправных, счастливых, гармоничных людей — и невольный страх перед социальной ломкой, перед «простонародной» революцией, роковая отчужденность от социалистического движения есть самое острое противоречие общественно-политической платформы Мультиатули.

Одну из главных причин противоречий в мировоззрении Мультиатули следует искать в его индивидуализме. Первостепенную роль в созидании грядущего Мультиатули отводил не массам, а выдающейся личности, это лейтмотив его исторической концепции. Спиноза, Жан Мелье, французские просветители, Томас Пейн, Роберт Оуэн, Вольфганг Гёте — вот, на его взгляд, провидцы и лоцманы человечества, до конца выполнившие свое земное предназначение. Бичующий пассивность народа, связанного по рукам и ногам, этический индивидуализм Мультиатули перерастает в социально-политический одновременно с тем, как народы собираются ломать свои оковы, и становится анахроничным, следовательно регрессивным. Но все-таки, если попытаться окинуть взглядом весь сложный извилистый путь социологической мысли Мультиатули, суммировать его разнородные, иной раз взаимоисключающие высказывания о человеке и обществе, то скорее обвинишь «индивидуалиста» Мультиатули в волюнтаристских, даже мессианских, заблуждениях, идущих от утопического социализма, чем в грехе мелкобуржуазного анархизма. Мировоззрение Мультиатули вообще не поддается однозначной оценке. Разгадать парадоксы, заключенные в этом «сосуде противоречий», как называл себя сам Мультиатули, нельзя, не прибегнув к комплексному подходу, в котором далеко не последнее слово должно быть за социальной психологией и психологией личности.

Еще в юности Деккер писал, что миру нужны люди, умеющие не только думать. Мультиатули восхищался Гарибальди, жизнь которого считал примером героического деяния. «Мой стиль носит красную рубашку Гарибальди», — с гордостью говорит он в «Письмах любви». Он жаждал действия, однако не находил достаточно единомышленников, из которых можно было бы, в пику либералам, создать «партию честных людей». «Очень жаль, что я не могу идти вместе с социалистами. Я ни с кем не могу идти вместе... За десятки лет долготерпения мне так и не удалось завербовать солдат, которых я смог бы возглавить»²⁵, — признавался он в одном из последних писем. Он не видел, что такая партия уже создается европейским пролетариатом. Пламенный трибун и обличитель пороков капитализма, яростный защитник угнетенных и обездоленных уживался в нем почти что с политическим невеждой. Социальный дальтонизм не позволил

²⁴ F. W. D r i e s s e n. Multatuli: aanklager, strijder, realist. Amsterdam, 1960.

²⁵ Цит. по: A. L. C o n s t a n d s e. Op. cit., blz. 142.

ему увидеть союзников и братьев по борьбе в тех, кто готов был претворить в жизнь его собственные мечты. Гениальное прозрение в одних вопросах и разительная слепота в других причудливо уживались в этой драматической фигуре.

При всем том объективным содержанием своего творчества Мультиатули расчищал почву для нового, социалистического сознания. Весьма примечательны слова, сказанные в связи с десятилетием со дня смерти Мультиатули левым социал-демократом, литератором Франком ван дер Гусом: «Несравненный писатель и революционный оратор, человек, обладавший такой побудительной и увлекающей силой, которой до него у нас никто не знал, вооруженный бичом сатиры, с пылающим, как факел, сердцем — он мог бы быть поистине внушающим страх борцом во главе сплоченной и целеустремленной массы»²⁶. Он не стал таким борцом, в этом его вина и беда одновременно.

«Хотя Мультиатули и не был социалистом, — пишет современный историк А. Констанс, — он, без сомнения, был борцом за дело пролетариата и повсюду клеймил несправедливость, причиняемую рабочим»²⁷. Мультиатули — художник и политик, гуманист и демократ — стал духовным предтечей известных поэтов-социалистов Германа Гортера и Генриетты Роланд-Холст, сыгравших видную роль в нидерландском революционном движении; существенно повлиял на идейное и творческое формирование крупнейшего драматурга-реалиста, активного деятеля Социал-демократической рабочей партии Нидерландов Германа Хейерманса. Прометеем своего поколения назвал его классик фламандской литературы Виллем Элсхот²⁸.

Мультиатули, если перефразировать известное выражение К. Маркса, действуя оружием социальной критики, предвосхитил критику буржуазного общества оружием²⁹. Само появление такой исторической личности, как Мультиатули, было возможно в сложную, переломную эпоху — роста общественных антагонизмов и рождения классовой силы, призванной с ними покончить. Нидерландские рабочие по праву считали и считают Мультиатули своим писателем и мыслителем.

²⁶ F. W. Driessen. Op. cit., blz. 142; см. также «Het werk van Frank van der Goes». Amsterdam, 1939, blz. 92—138; P. J. Meertens. Multatuli ondanks zichzelf een wegbereider voor het socialisme in ons land. — «Vlam», 2.III.1946, blz. 8—9.

²⁷ Цит. по: «Maatstaf», 1970, № 11, blz. 768.

²⁸ «Multatuli», blz. 282.

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 422.